Два шага до любви

Автор:
Татьяна Алюшина

Два шага до любви

Татьяна Александровна Алюшина

Мирослава хороший юрист. Обостренное чутье уже не раз выручало девушку. Вот и сейчас, когда Славу попросили завезти документы одному из ВИП-клиентов, она сразу почувствовала тревогу. Входя в призывно распахнутую калитку, девушка настроилась на неприятности, но даже представить не могла, что увидит обнаженного мужчину. Мало того – мужчина оказался ей знаком…

Татьяна Алюшина

Два шага до любви

Та-а-к, и что бы это значило?

О-очень как-то сомнительно, что открывшаяся моему взору картина представляет собой любезное приглашение: «Заходите, гости дорогие, мы вам очень рады, как видите, – наши двери всегда открыты для вас!» Эта широко распахнутая калитка высокого красивого забора с претензией на кованое кузнечное искусство уж слишком навязчиво для всех моих рецепторов и недремлющей интуиции вызывала подозрение о подставе и иных неведомых злонамеренных гадостях от столь недвусмысленного приглашения.

Нет, ну ладно, это Леночка – молодая, суетливая, еще не профессиональная ни фига и слегка нагловатая, но уж Игорь-то слишком хорошо все знает про профессиональную этику и неукоснительные правила, и туда же: «Славочка, ты

же понимаешь – только потому, что это ты, тебя и прошу. Форс-мажор, так сказать!»

Так ему сказать! Роман у него, что ли, с этой Леночкой намечается? Ох, Игорь, Игорь, неугомонный ты наш «левоходящий»! Мало тебе уже было разборок с Мариной?

А так хорошо день начинался!

Раненько, в семь утра позвонил довольный клиент сообщить, что его оппоненты решились на мировое соглашение, чему мы необычайно порадовались, закончив, таким образом, многомесячную нудную тяжбу. И по дороге в контору чудным образом я не попала ни в одну из пробок, шустренько проскочив все напряженные места на пути. И новый сорт кофе, которым меня потчевал мой оптимистично-энергичный секретарь Олег, благоговеющий перед этим напитком и постоянно экспериментирующий с его разновидностями, на сей раз был просто восхитительным – обжигающе горячим, чуточку пряным, с умопомрачительным ароматом и тонким вкусом. И я позволила себе немного посибаритствовать: устроившись в посетительском кресле, скинула туфли, пристроила свои дивные ножки на его брата-двойника и, прикрыв глаза, потягивала себе кофеек.

Но, за работу! Дела не ждут, вернее – клиенты, как правило, не из разряда людей, расположенных к ожиданиям исполнения их претензий и желаний!

К одному из таковых мне и предстояло ехать за город в довольно элитный поселок, не Рублевка, слава богу, и не Николина Гора, но тоже себе нехилый поселочек для достойно обеспечивших себя граждан, со всеми атрибутами таковых – охраной и предварительной записью на посещение его обитателей. Как в аквариум или в террариум, уж кому как больше нравится. Мой клиент, например, был ближе ко второй категории далеко не безобидных рыбок, но, всем известно, что клиента, как и маму родную, не выбирают, главное – вовремя уворачиваться от его опасных маневров и попыток укусить, и вполне можно работать на безопасном расстоянии. Я привыкла.

И меня, вот такую всю в прекрасном настроении после столь удачного начала дня, разнеженную чудным кофе, поймала, уже на выходе из конторы, новая сотрудница Леночка Зинчук и начала сразу же заискивающе ныть, помогая себе мимикой лица:

– Мирослава Витальевна, – заканючила Леночка, сведя бровки домиком, что, видимо, должно было означать трагически неизбежно сложившиеся обстоятельства, – Игорь Романович сказал, что вы к клиенту в «Озерское» едете?

– И? – поторопила я суровым начальственным тоном.

– Мы сегодня должны были передать документы нашему клиенту из того же поселка, – зачастила торопливо Леночка, стараясь выдать информацию. – Но у другого клиента, которого ведет наша группа, неожиданно возникли сложные обстоятельства, и нас всех кидают на разрешение этой ситуации, вот Игорь Романович и сказал, что можно попросить вас отвезти документы, вы ведь все равно туда едете!

– Лена, вы же знаете, что передавать документы в чьи бы то ни было руки, кроме специалиста, ведущего дело, и самого клиента, недопустимо! Это же азы и кодекс нашей профессии, – строго отчитала я.

– Да, конечно! – горячо согласилась девонька и заспешила словами пуще прежнего: – Игорь Романович тоже так говорит, но сейчас он сказал, что если и можно кому доверить такое дело, кроме Бога, то только вам!

– Идем! – я ухватила Леночку за локоток и торопливо потащила за собой в крайней степени душевного раздражения.

Таким образом и дотащила до кабинета Игоря, по дороге успев накрутить себя еще больше, подхлестываемая смутным предчувствием, что вся эта история еще выйдет мне боком.

Почему? А бог знает! У меня так бывает: возникает некое предчувствие, такое неясное, еле уловимое ощущение, что та или иная ситуация принесет мне проблемы и неприятности. В основном, разумеется, это касалось дел, которые я вела, или личностей клиентов, или каких-то подстав, которых в специфике нашей работы хватало. Но еще никогда эти предчувствия меня не обманывали. Вот никогда! И уже давным-давно я научилась к ним прислушиваться и не отмахиваться, списывая все на глупые страхи.

Предупрежден – значит, вооружен, как известно. Не знаю, как кто, а я предпочитаю быть вооруженной, то есть вовремя предупрежденной. И

подстраховаться, перестраховаться – еще ни разу не помешало и выручало всегда.

А меня, господа, эта просьба передать неизвестные мне документы чем-то смутно и совершенно нелогично тревожила, как назойливый комар, от которого никак не отделаться, сколько ни маши руками – вот не нравилась мне эта ситуация, и все! И настроение мое прекрасное к тому же испортили!

– Ну, и что за передача чужих документов? – войдя в кабинет к Игорю, с порога приступила я к наезду, позабыв поздороваться.

– Славочка, – поднявшись из-за стола, двинулся мне навстречу господин Русаков, приветственно разводя руки в стороны для дружеских объятий, – ты хоть поздоровайся, для начала!

Для начала я таки не избежала «братских» объятий, ну и поздоровалась приличий ради, чего уж.

– Здравствуй, дорогой, – и, отстранившись, продемонстрировала свое явное негодование. – Так, что это за история с непонятным курьерством? И почему ты поручаешь какой-то девочке вылавливать меня в коридоре и передавать твои пожелания?

– Я собирался лично прийти к тебе в кабинет, но твой Олег сказал, что ты ушла минуту назад, вот я и попросил девочку, – «девочку» он произнес подчеркнуто, с нажимом, – перехватить тебя и сказать, что мне надо срочно с тобой переговорить. Разумеется, я не поручал ей передавать что-то на словах.

– Девочка, видимо, не поняла или слишком старалась, – пожурила я и его, и Лену эту бесцеремонную одновременно. – Так что за пожар на нашей фабрике?

– Да, у клиента Невельской полный обвал по делу, появились неожиданные обстоятельства, – тяжко вздохнул Игорь, поясняя ситуацию. – И она бросает всех своих помощников на срочную ликвидацию проблемы. В том числе и Леночку, – и он стрельнул веселым многозначительным коротким взглядцем на притихшую у двери девулю. – Ты же понимаешь, что ни при каких обстоятельствах я бы не позволил передачу документов в чьи-то руки. Только потому, что это ты, тебя и прошу. Форс-мажор, так сказать. А у тебя, насколько мне известно, сегодня

встреча именно в этом поселке. К тому же мужик этот непростой, не олигарх и не из власти, но о-очень значимый.

Ну да, мы с Игорем делимся информацией в общем виде, без подробностей, – у кого какие клиенты, о проблемах, с ними связанных, и направлении деятельности во всех возможных или непредсказуемых ситуациях, ведь ответственность за фирму лежала на нас двоих, вот и подстраховывались, как только могли.

И да! Да, разумеется, никому, кроме меня, он не мог доверить решение таких вот непредвиденных моментов в работе, впрочем, как и я – никому, кроме него. Но почему-то сегодня мне этот форс – черт бы его побрал – мажор ужасно не нравился!

– Во сколько у тебя назначена встреча? – быстро спросил Игорь, поняв по моему выражению лица, что я сдалась за неизбежностью единственно возможного в таких обстоятельствах решения.

– В десять, – вздохнула тягостно я, окончательно смирившись с ситуацией.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Игорь и, приобняв меня одной рукой за плечи эдаким особо доверительным жестом, поинтересовался у девочки: – Лена, вы созвонились с клиентом, договорились о встрече?

– Да, да, Игорь Романович, – сделала шажок вперед и подала голос Леночка, восторженно поглядывая на высокое начальство. Не на меня, разумеется. – Все очень удачно со временем получается: меня заверили, что будут ждать нашего представителя в половине десятого!

Игорь в этот момент на девулю не смотрел, посему взгляд, предназначавшийся ему и обещавший многое, не заценил, хотя восторженных голосовых модуляций Леночки вполне хватало и без визуального подтверждения. Герцогским жестом господин Русаков протянул в сторону девочки руку, в которую тотчас же была вложена папочка с документами, и передал ее мне.

– Леночка тебе тут адресок написала и актик по передаче документов подготовила со всеми данными.

– Мирослава Витальевна, простите, если я что-то не так сделала, мне казалось, надо сразу объяснить, в чем проблема… – запричитала девонька.

Скрепя сердце, не слушая Леночкиных извинений, – пусть с ней Игорь разбирается – папочку я приняла, бросив взгляд на верхний лист, на котором большими буквами старательно был выведен адрес клиента и более ничего.

От досады и раздражения на разбушевавшуюся предупреждением интуицию я бросила эту папку на переднее пассажирское сидение машины и всю дорогу старалась на нее не смотреть, отвлекая себя обдумыванием предстоящего разговора со своим непростым клиентом, мысленно пробегаясь по фактам и текстам документов.

И так увлеклась, что и не заметила, как долетела до поселка в рекордное время – во второй раз за сегодняшний день мне повезло не попасть ни в одну пробку. Я даже хмыкнула про себя и крутнула головой, отмечая, что без некоторого вмешательства мистических сил тут явно не обошлось.

А вот застряла бы утром в привычной пробке, вообще бы в офис не стала заезжать, а сразу бы в это «Озерское» порулила, так, кстати, и планировала, и не нарвалась бы на работу курьера. Так нет же, смотри, дорогу словно кто маслом смазал и ковровой дорожкой устелил, даже ни одного патруля гаишного не встретила! Прямо судьба какая-то! Знать бы какая….

Да ладно, все это лирика и мысли странные, никчемные. А я, будучи дамой деловой до невозможности, время свое драгоценное (для клиентов в прямом смысле – драгоценное) ценю и уважаю, и всячески оберегаю.

Кивнув на въезде охраннику, сверившему мою личность со списками допущенных к посещению поселка с его дорогими, в самом буквальном смысле, гражданами, я проехала под поднятым шлагбаумом и порулила дальше к небольшой площади в центре, где расположился солидный магазин и два кафе высокой ценовой категории, не знаю уж, как насчет кухни – высокой или не очень, не проверяла.

Времени до первой – навязанной мне – встречи оставалось минут двадцать пять, расположение улиц и дорог поселка я знала хорошо, еще с первого моего посещения, специально изучив для этой цели его план, и отчетливо

представляла теперь, как проехать к нужному дому и где приблизительно он находится, и решила провести это время более продуктивно, чем любоваться красотами открывающихся взору пейзажей средней полосы. Кстати, замечу, любоваться было чем – не зря этот поселочек относится к разряду элитных: вокруг потрясающе красивая, нетронутая природа, залюбуешься. Но я, пожалуй, отложу любование, как-нибудь в другой раз.

Я припарковалась на стоянке возле одного из кафе, под тремя кленами солидного возраста, чуть ли не вековыми, хотя, сколько там живут клены, бог знает, у меня как-то с ботаникой не сложилось по жизни. Сейчас эти исполины внушали уважение даже своими голыми ветвями с почти облетевшей листвой в эти первые дни ноября.

Все так же стараясь не смотреть на всученную мне папку, я достала из-под нее портфель, вытащила из его недр блокнот и углубилась в сделанные ранее записи и заметки по делу, дополняя небольшими комментариями по продуманным в дороге пунктам, старательно отгоняя так и не покинувшее меня чувство вероятной надвигающейся неприятности.

Это из области психологии и подсознания, когда мы стараемся обходить стороной и вообще не замечать неприятный нам предмет… Игра такая, неосознанная, с самим собой – если не замечать проблемы, то ее как бы и нет.

Ну, пусть будет так. И что? Варианты у меня какие? Документы передать я обязана и передам, разумеется, что бы ни пищала мне интуиция. А то ж! Так что психология там или подсознание, а дело надо делать, хоть конец света – жизненная планида у меня такая. Фиговая. Но это моя работа, любимая к тому же, замечу.

Да, если вы еще не поняли, я юрист. Точнее, адвокат, в солидной и известной фирме, но про контору и мою работу как-нибудь потом. Вернее про контору потом, а про работу прямо сейчас.

Время пробежало быстро, и я, убрав блокнот обратно в портфель, не преминув тягостно вздохнуть, жалея себя, завела машину и неспешно поехала по адресу «доставки». Это хорошо, что неспешно, это мне очень даже повезло, что у меня правило такое: появляться на деловых встречах точно в назначенное время – ни раньше, ни позже, поэтому я и не торопилась, растягивая оставшиеся минуты,

подгадывая свое пунктуальное прибытие. Вот именно эта маленькая, можно сказать, черепашья скорость и спасла меня от лобового столкновения с мчавшейся посередине дороги машиной.

Красный новехонькой модели «фордик» несся по улице навстречу мне со скоростью спортивного болида, по крайней мере, мне с перепугу и от неожиданности именно так показалось. Повернув из-за угла на нужную мне улицу, я на автомате, с не контролируемой разумом реакцией выкрутила руль, съехав передними колесами с крутого склона кювета и уходя от прямого столкновения, но странным образом успела увидеть холеную блондинку за рулем и даже разглядеть ее довольную, злорадную улыбку. Явно адресованную не мне, а каким-то непонятным мыслям, занимавшим ее мозг или что там у нее вместо этого органа.

«Фордик» пронесся мимо, не останавливаясь, даже не предприняв попытки притормозить, – дамочка, по всей видимости, не удостоила вниманием такое ничтожное препятствие, как мой джип, на пути своей безбашенной радости.

Идиотка! Клиническая притом! Тупая дура!

Вот и не верь после этого в анекдоты и мужские суждения о разуме блондинок!

И хотя я и сама блондинка, но не принимаю критику недалеких мужчин в свой адрес, точно зная, что я серьезное исключение из всех правил, а вот разумность многих «сестер» по цвету волос, увы, весьма сомнительна и большей частью полностью совпадает с нелестными высказываниями. И вот вам очередное подтверждение – эта неадекватная идиотка на красной машине лишь доказывает правдивость этих подозрений в отсутствии сложной мозговой деятельности у данного вида дамочек.

Я еще и от себя присовокупила! Покрепче! С душой так!

Мне-то что, мой «танк» такую срань господню, как эта красная божья коровка, и не заметит, разве что бампер помнется и подушка безопасности сработает – неприятно, конечно, но, по большому счету, фигня! А вот от этой кретинки вместе с ее «фордиком» под цвет маникюра только мокрое место и осталось бы!

Я от души, с чувством, хрипло и громко, проникновенно выматерилась и прилегла головушкой на скрещенные руки на руле. Отдохнуть, наверное. От выстрелившего в организм адреналина меня заколотило крупной противной дрожью, даже зубы застучали. Господи, как здорово, просто замечательно, что я питаю слабость к большим, тяжелым и внушительным джипам с повышенной системой безопасности! Мой вот, например, даже не заглох от всяких резких выкрутасов! Так и урчит солидно движком, успокаивая хозяйку, жалеет!

– Твою мать!!! – добавила я ко всему уже вышесказанному и предприняла попытку выбраться из кювета назад на дорогу.

Не так быстро, сказал организм, воспротивившись моим действиям, – ноженьки ослабли и подрагивали, рученьки так вообще ходуном ходили. Ладно, пойдем другим путем! Я спешно, трясущимися руками ухватила бутылку воды, всегда стоявшую у меня в машине в держателе, хорошенько так попила, порассматривала себя в зеркало заднего обзора: ничего, бледненькая, правда, и глаз дурной от испуга, как у взбрыкнувшей лошади, но макияж не пострадал.

И что, об этом происшествии предупреждала меня сегодня интуиция? Прислушалась к себе… Может, и об этом, но, по ощущениям, очевидно, что не только о нем! Тоже, вашу мамашу!

Ну что ж, испугалась-испугалась, адреналин там, не адреналин, а работа прежде всего! И поругавшись сквозь зубы еще немного, больше для поддержания себя в рабочем состоянии, я вырулила назад на дорогу и теперь уже поспешила на встречу с клиентом.

А подъезжая к дому, отметила два факта, и оба из области профессионализма, доведенного до рефлекса. Первый – про ценовую стоимость домика и той части участка, который был доступен взору через высокий ажурный забор по ту сторону кузнечных выкрутасов, правда, прикрытого от любопытных глаз плотным металлическим листом. Ну что: раза в два поменьше особнячка моего основного клиента в данном поселке, но тоже очень далеко за пределами возможностей повального количества населения страны. Ну, это, как я уже пояснила, на автопилоте набросанные штрихи к портрету клиента.

А вот второй факт!.. Калитка в этом заборчике, такая же причудливо ажурная, была навязчиво-зазывно распахнута.

И ничего хорошего это не сулило, господа! Уж поверьте мне!

Я профи до корней волос на голове и отросших ногтей на пальцах и абсолютно точно знаю, как «Отче наш», что еще ни одна гостеприимно распахнутая, приглашающая войти всех подряд дверь ни одному вошедшему человеку не принесла ничего хорошего!

Эдак мило и почти нежненько: заходи, заходи, родной, только тебя и ждали, станешь основным подозреваемым в том, что здесь случилось, мы уж и полицию вызвали, чтобы ты не утруждался звонками, и трупик приготовили! Или что там? Обнесенную квартиру с исчезнувшими бабушкиными драгоценностями?!

И как бы ни взывал мой разум свалить подальше от этой калитки и того пакостного, что за ней – вот сто пудов! – находится, мешало осуществлению этого вполне логичного и обоснованного побега одно большое «НО», непреодолимое, как китайская стена для варваров! Я обязана туда войти, что бы там ни произошло и что бы там меня ни ожидало – это клиент нашей фирмы, адвокатом которой я являюсь, и, значит, мой наипервейший долг защищать клиента всеми доступными мне способами. И малодоступными тоже!

Вот такая Гадя Петрович Хренова, которая сильно прыгала….

Интуиция уже не пищала, а надрывалась оглушительным ором в моем сознании.

Ладно, против такого «лома» у меня есть свои проверенные приемы. И не в такие засады попадали. Если б вы только знали, с чем приходится сталкиваться адвокатам!

Ну, во-первых, никто не отменял одно из основных правил: клиенты всегда врут! Всегда! И если вы, не приведи, конечно, вас господи, когда-нибудь станете клиентом адвоката, вы тоже приметесь врать на голубом глазу и настаивать на своем вранье, уж это будьте уверены! А потому что адвокат, как духовник и исповедник, должен знать о вас все: если понадобится, то вплоть до кишечных расстройств в вашем нежном младенческом возрасте и любимых журналов, которые вы штудируете в туалете, сидя на унитазе, и всяческих иных интимных пристрастий и непотребств.

Разумеется, все врут, а как же! А нам приходится разгребать и ваши дела, и ваше вранье, и ваши мелкие пакости соседской тете Зине и ее кошке Маруське.

И стоит только начать работать, как очень быстро, к глубокому унынию клиента, из праведника, кипевшего гневом в адрес своих обидчиков, он превращается в мелкого или крупного пакостника со своими скелетами в шкафу и тщательно скрываемыми криминальными наклонностями.

Увы, такова реальность – хочешь выиграть дело, выворачивай всю подноготную. И не хотят, а кто бы горел желанием! И брешут, как коты, пойманные на сексуальных домогательствах по весне, и, выпучив глаза, доказывают свою невиновность, даже припертые фактами к стенке, и пакостят своим же адвокатам, и устраивают всяческие провокации и подставы, и… и чего только не вытворяют! Порой и представить невозможно, на какие изощренные выкрутасы пускаются господа участники юридического процесса! А мы все равно прощаем своих клиентов, терпим, разгребаем и помогаем выигрывать дела! Но научены уже! Еще как научены! Самым что ни на есть жестким образом, именуемым «опытом», ну, вы в курсе, сыном кого! И свои приемы на ваши выкрутасы имеем, и про профилактику ваших глупостей не забываем.

Кстати, одним из данных приемов и придется воспользоваться.

Я застегнула куртку, перекинула через голову длинную ручку дамской сумочки, чтобы не мешала, достав из портфеля и пристегнув к креплениям по бокам ремень, набросила его на плечо, взяла в ту же руку пресловутую папку с документами и прижала к себе неосознанным защитным жестом. Вроде готова? Вынула из бардачка небольшую, но мощную цифровую видеокамеру, извлекла ее из чехла, включила и, который уже раз за сегодняшний день обреченно вздохнув, приступила к работе.

Направила объектив на себя и протокольно сообщила свое имя-отчество-фамилию, сегодняшнюю дату и цель визита по данному адресу, продемонстрировала его же на листке папки, ненадолго отодрав ее от своего бока, назвала точное время, подкрепив сказанное съемкой моих наручных часов и таймера на панели автомобиля. Впрочем, на камере автоматически фиксировались дата и время, но лишняя предосторожность еще никому не помешала, особенно в нашей профессии.

Я перевела объектив на распахнутую дверь калитки через лобовое стекло и, укрупнив план, пояснила:

– В момент моего приезда калитка, ведущая на участок, находилась в открытом и распахнутом состоянии, никаких людей возле дома и у калитки не наблюдается.

И принялась выбираться из машины, старательно фиксируя каждый свой шаг, – весьма, кстати, неудобно вылезать из высокого джипа, будучи обвешанной сумкой, портфелем, прижимая к боку папку и держа камеру в свободной руке, а еще и автомобиль ставить на сигнализацию! Можете представить, как я это проделывала? Вот-вот – пятой точкой вперед, стукаясь локтями, головушкой, коленкой! А куда деваться? Так и корячилась!

Я нажала кнопку звонка на каменном калиточном столбике, продолжая комментировать свои действия и снимать их, соответственно, и с надеждой прислушалась, не откликнется ли кто из забывчивых хозяев.

Да, сейчас! Понадеялась она тут!

Трели звонка вполне отчетливо заливались где-то, хоть и приглушенно из-за расстояния, но ни одна собака – в прямом и от души ругательном смысле слова – не отозвалась ни на участке, ни в доме!

– Я вхожу на участок, – выждав какое-то время, сообщила я, фиксируя на камеру свое дальнейшее продвижение.

От калитки вела дорожка, выложенная декоративными каменными плитами, современненько так, дизайнерски, я бы сказала, со вкусом, которая заканчивалась у пяти полукруглых ступенек, ведущих на площадку перед массивными железными двустворчатыми дверьми центрального входа. По всем законам засады и ожидаемых мной любых уже неприятностей одна из створок оказалась настежь распахнута. Что я удрученно и запротоколировала на камеру, не забыв про словесный комментарий.

Не обнаружив на стенах по бокам от дверей никакого устройства, хоть отдаленно напоминающего звонок, или, на худой конец, новомодную призывную колотушку – что-то типа башки животного, подавившегося кольцом, я

отобразила сей факт в записи и прокричала в глубину:

– Хозяева! Есть кто дома?

В ответ, понятное дело, получила молчаливый фиг, переступила порог и вошла в большой холл. Именно в этот момент стилизованные под старину часы, висевшие на одной из стен этой огромной прихожей, оповестили одним ударом о наступившей половине десятого утра, что я старательно и сняла, лишний раз отметив свое пунктуальное появлениее.

– Хозяева!!! – повторила я призыв, продвигаясь в сторону гостиной, в которую, делая плавный поворот направо, перетекал холл.

В доме стояла абсолютная тишина – ни тебе музычки отдаленной, ни звуков бубнящего телевизора, бодрым голосом диктора оповещающего в утренних новостях о всевозможных ужасных происшествиях, случившихся за прошедшие сутки, ни кухонных звуков, сопровождающих завтрак, ни шагов, ни голосов – тишь дурная, и все!

– Есть кто в доме, отзовитесь! – призвала я к общению хоть кого-нибудь.

«Ну что? – спросила я обреченно-безнадежно свой внутренний голос. – Пойдем искать труп хозяина? О-е-ей, куда ж я вляпалась, мама дорогая?! Твою ж дивизию!»

Больше всего, понятное дело, хотелось послать все на три главные буквы русского алфавита и бежать отсюда дальше, чем видеть! Еще хотелось так навставлять Игорю вместе с его Леночкой, чтоб проняло до самых потрохов! Так, все на свете! Раз так и еще раз так!!!

Судя по мизансцене с «гостеприимным» приглашением и отсутствием видимых следов ограбления, версия с трупом хозяина напрашивалась сама собой, как одна из самых красочных и страшных. Что-то из области киношных шелковых простыней с мужской обнаженкой в луже крови на них, с бутылкой шампанского, фруктами, двумя бокалами на столике у кровати и явным женским «следом» во всей этой истории!

Так, и где у нас хозяйская спальня? Предполагается, что на втором этаже.

Пожалуй, я оттяну эту «встречу», для начала обследую все помещения первого этажа. К чему я добросовестно и приступила, старательно и подробно снимая на камеру интерьер и каждую мелочь огромной гостиной. Сами понимаете для чего – мало ли, обвинят потом, что стырила любимую вазу хозяев, или еще каких гадостей навешают на адвоката, так «удачно» зашедшего. В нашем деле, как и у хирургов, и у саперов, мелочей не бывает. Такие вот реалии.

Мое тщательное «протоколирование» обстоятельств и предметов интерьера неожиданно прервалось на начальном этапе… Я уловила какой-то непонятный звук, движение за спиной, резко развернулась, успев ужасно испугаться – до холода и слабости под коленками, замирания сердца и отхлынувшей в один момент крови от головы – и замерла окаменевшим изваянием…

Откуда-то сбоку, из коридора, который я не заметила при первичном осмотре, в комнату медленно входил мужчина, вытирая голову большим синим полотенцем, тихо бубня себе под нос какой-то незатейливый мотивчик…

Совершенно голый! Если не считать полотенца на голове.

От неожиданности, находясь в ступоре, я автоматически продолжала старательно снимать его несколько секунд – с ног до головы в полотенце и обратно! Спохватилась, сообразила, что происходит, прочувствовала второй за день адреналиновый «отходняк», навалившийся жуткой слабостью и дрожью, и спешно опустила руку с камерой, позабыв, правда, ее выключить.

О господи! Я глубоко, но тихо-тихо вдохнула-выдохнула, прикрикнула мысленно на себя, собирая перепуганную душу в кучку, в рабочее невозмутимое состояние, еще разок вдохнула-выдохнула. Вроде отпустило!

Мужик тем временем остановился, не прекращая своего занятия, вернее, двух занятий – пения и вытирания волос, а я совершенно беззастенчиво принялась его рассматривать!

Мама дорогая! Там было на что посмотреть, скажу я вам! Микеланджело рыдает, что упустил такую натуру для ваяния!

Мужчина, вошедший в свой самый лучший возраст, высокий, подтянутый, мускулистый, с пресловутыми «кубиками» на торсе, не накачанными для красоты и понта, а настоящими, которые нарабатываются годами спорта, с длинными мощными колоннами ног, узкими лодыжками и крупными, но изящными ступнями, небольшая растительность на груди сбегала треугольником к паху.

А там! Еще раз мама дорогая! Господь дядьку одарил не по-детски, достойно и щедро «подвесив» мужского хозяйства!

Боже святый, я даже возбудилась! Честное слово! Спасите, помогите! Я и помнить забыла, что такое чувство имелось у меня в арсенале, а уж как это переживается, и подавно осталось где-то во временах моей юности, глупой и безмятежной! И не вспоминала и обходилась себе спокойно без закидонов этих телесных! А сейчас теплым огнем налилось во всех правильных женских частях тела, и щеки полыхнули румянцем, и вообще… фантазии в голове зашебуршились всякие! Ощущение было такое, словно меня пару раз окунули в кипяток!

Пришлось срочно проорать на себя мысленно кое-что тяжело ругательное, встряхнуться, сбрасывая неуместную дурь, ударившую в голову, напомнить строгим тоном про профессионализм, цель своего приезда и еще десять секунд назад вполне ожидаемый труп в хозяйской спальне.

От момента возникновения непонятных звуков за моей спиной, шокового испуга, обнаружения и разглядывания голого мужчины и до полного приведения в надлежащий порядок моих разбушевавшихся нервов и черт-те что возомнивших о себе гормонов прошло, наверное, не больше минуты. Мне показалось, что полжизни!

– Кхм! – кое-как придя в собранное деловое состояние, деликатно кашлянула я, обозначая свое присутствие.

Мужик резким движением ладоней скинул полотенце на плечи и уставился на меня с выражением недовольного удивления на лице. Не предприняв при этом ни малейшей попытки прикрыть свою наготу.

– Кто вы и как сюда вошли? – строгим, холодным и неприязненным тоном потребовал он ответа.

– Я… – начала было ответствовать я спокойным, ровным адвокатским голосом и осеклась…

И узнала его! У-ЗНА-ЛА!!!

Он мало изменился – нет, не так! Изменился. Ушел юношеский блеск и очарование бесшабашной молодости, уступив место зрелой глубокой привлекательности, приобретаемой годами, знаниями и уверенностью в своей мужской силе духа, проверенной не единожды жизнью и испытаниями, которые отразились на лице наметившимися морщинками, непростым взглядом и придававшими некую изысканность образу поседевшими висками по-прежнему темной, непокорной шевелюры. Весь его облик стал жестче, опаснее, что ли, и от этого еще более интересным, притягательным. И он все знал о своей мужской привлекательности и интересе к себе, неизменно вызываемом у женщин. Он вообще все прекрасно знал и понимал о себе, о жизни, о своем месте в этой жизни – в первых рядах. В первых, это точно!

Я смотрела на него, и чей-то чужой голос в голове сообщал мне, что у меня шок и, как следствие, ступор и что с этим необходимо что-то срочно делать! Немедленно!!!

Бежать, например, или хоть прийти в себя, перестать пялиться на него, а для начала неплохо бы начать дышать! Ау! Слава! Очнись! Вдох! Выдох! Давай!!!

И я «дала» – вдохнула и выдохнула…

– Что вы уставились! – рявкнул он, будто хлестнул словами.

И я вынырнула из временного ступора шокового бессознания в реальность и вдохнула полной грудью, и в долю секунды, в какое-то неуловимое мгновение пришла в себя окончательно. На рефлексе, выработанном годами, умении сохранять спокойствие, холодную голову и здравый рассудок в любой ситуации! На чистом, натренированном рефлексе – в этот момент я полностью собралась, как для прыжка.

– Что, никогда голого мужчину не видели? – с явной неприязнью в голосе отчитывал он незнакомую гражданку, так и не сделав ни одного фальшиво-стыдливого движения, чтобы прикрыть свои красивые причиндалы.

– Видела, но редко столь же достойных для обозрения, – польстила я ему, чуть улыбнувшись уголком губ.

Ну вот, я снова в обойме! Спокойна, собранна, рассудительна, иронична и полностью непроницаема для любых словесных нападок! Мо-ло-дец!

– Я спросил, кто вы такая и как здесь оказались? – прямо-таки излучал всем своим голым телом раздражение, предупреждение и тяжелое недовольство мужчина.

Ровным, спокойным тоном, полностью владея собой, глядя в эти опасные светло-карие глаза, я представилась по имени-отчеству, намеренно не назвав фамилию, и огласила цель своего визита. Чуть ли не по слогам, как для умственно отстающего в развитии ребенка.

– Вы сами назначили время нашей встречи по телефону, – напомнила я.

– Я ни с кем из вашей конторы сегодня не разговаривал по телефону! – резко ответил он, но уже с меньшей долей агрессии в интонации.

И наконец соизволил сдернуть быстрым, раздраженным движением полотенце с плеч и обмотать его вокруг бедер.

– Но моя помощница говорила с вами, и вы заверили, что будете ждать представителя нашей фирмы именно в это время, – с некоторым нажимом повторила я.

– Я не говорил ни с какой вашей помощницей! – рявкнул он в очередной раз и, призадумавшись на секунду, вдруг возмутился: – Нет, ну вот же сука!

– Простите? – подняла я брови в холодном интеллигентном порицании.

– Да не вы и не эта, как там ее, ваша помощница! – скривился, как от кислого лимона, он и снизошел до пояснений: – Это я о бывшей жене! – и нетерпеливым, раздраженным жестом протянул ко мне руку: – Давайте ваши документы!

– Простите, но есть определенная процедура, – мягко возразила я. – Нам вместе необходимо проверить наличие каждого документа по списку и подписать акт передачи их вам.

– Ладно, – буркнул уже условно не голый клиент, продолжая пребывать в скверном настроении, и распорядился: – Тогда ждите! Я оденусь, и мы подпишем этот ваш акт.

И, ничего более не говоря, вышел из комнаты. А я закрыла глаза и попыталась изгнать из себя к чертовой бабушке или еще куда подальше и свой испуг, и потрясение, и так и сотрясавшую мои внутренности мелкую неприятную дрожь.

О боже, дай силы! Я, конечно, справлюсь! Уже справилась! Но, господи, за какие грехи ты наказал меня этой встречей?! Вот на кой?!

– Не об этом ты думаешь, Слава, – прошептала я себе. – Тебе еще со своим проблемным клиентом разбираться, и очень хочется надеяться, что на встречу к нему ты не опоздаешь!

А этот неприятный инцидент пройдет и забудется, уговаривала я себя. Ну, я очень постараюсь, чтобы испарился из памяти! Тренингом там каким-нибудь займусь, дел побольше наберу, уеду в командировку – да что угодно сделаю, но забуду! А с данным господином мы вряд ли еще когда-нибудь встретимся или пересечемся, нет поводов – так, случай одноразового форс-мажора произошел на мою бедную голову, и все! Да и в поселок этот, надеюсь, я приезжаю в последний раз: дела моего клиента идут к логическому завершению и таких частых общений, как раньше, уже не требуют, остается только ждать результата проведенной скрупулезной работы.

И все, все – сейчас быстренько подпишет мне акт, и бежать!

Ну да! Мечты, мечты!..

Быстренько, как вы догадываетесь, не получилось!

Вернулся он минут через пять, уже не голый, одетый, может, даже и увы по этому поводу. Джинсы сидели на нем как влитые, а легкий, свободный светло-коричневый свитер, рукава которого он поддернул до локтей, практически тон в тон сочетался с цветом его глаз, делая их более выразительными, яркими.

И мое заполошное, предательское сердце опять заколотилось, как сумасшедшее, и возбуждение, с которым, как мне казалось, я полностью справилась, вновь шибануло в голову, окрасив щеки легким румянцем и окатив кипятком низ живота.

О господи!!! Да что же такое делается-то!!!

И самое ужасное, что он увидел и понял мое состояние! Он никак не выразил этого ни мимикой лица, ни жестом, но в его глазах промелькнула некая снисходительная усмешка. Точно, понял! Я бы, например, тоже сразу прощелкала, если б мужчина испытал ко мне прилив желания, если б он меня хотел. Этот – не хотел!

– Ваша жена ездит на красном «Форде»? – выпалила я вопрос, старательно пытаясь справиться с новой волной неожиданной и предательской реакции тела и переведя взгляд куда-то повыше его головы.

– Да… – все-таки не удержался от легкой, понимающей улыбки он.

Ну, в общем и целом, с его оценкой, данной бывшей жене, я согласна. Сука, конечно. Но замечу, что мои эпитеты в адрес этой дамы после чудом не состоявшейся аварии были куда более разнообразными, цветистыми и красочными. Более творческими, я бы сказала.

Подходя ко мне, он указал на диван приглашающим жестом и, уточняя свое предыдущее односложное утверждение, спросил:

– Но вам это должно быть известно из материалов моего дела, не правда ли?

– Видите ли, не я веду ваше дело и потому не посвящена в его детали, – уклончиво пояснила я.

– Ну что ж, – легко принял он неполную версию моего появления в его доме и вторично пригласил жестом присесть на диван за большой журнальный столик для работы с документами и практически приказным тоном потребовал: – Давайте поскорее закончим с формальностями.

Давайте! Поскорее, так совсем хорошо!

Он просматривал и вычитывал каждый документ, прежде чем поставить свою подпись на акте передачи, чем вызывал мое естественное адвокатское уважение. Но сам процесс ожидания, пока он изучит все бумаги, давался мне невероятно тяжело – сидеть рядом так близко, что чувствовать тепло, исходящее от его тела, еле уловимый запах дорогого парфюма, совсем близко видеть завитки коротких волос на затылке!

Мне приходилось постоянно контролировать каждое свое движение, слово, даже дыхание! И так отчитывать себя мысленно и прикрикивать, что мой внутренний голос наверняка охрип от постоянного ора. К тому же добавлялось еще и удивление на саму себя, больше похожее на бессильную растерянность. Я не могу вспомнить, когда я позволяла себе демонстрировать окружающим свои эмоции и чувства! Я настолько привыкла ими владеть, настолько была вымуштрована жизнью и достойным учителем сохранять при любых обстоятельствах сдержанность, хладнокровие, изысканность манер, что и вспомнить не могу, когда так открыто выказывала свои реакции! Честное слово, лучше бы я чей-то труп тут обнаружила!

Но, слава богу, эта пытка длилась недолго – он явно владел техникой скорочтения и, не упуская ни одной детали и мелочи, тем не менее сумел довольно оперативно просмотреть все документы и подписал наконец этот проклятый акт, который я буквально выхватила из-под его руки, как только ручка завершила росчерк его автографа.

– Ну вот, – заторопилась я, подскакивая с дивана и запихивая документ в портфель, – все дальнейшие дела будет вести, как и прежде, ваш адвокат.

– Надеюсь, – откинувшись на спинку дивана и закидывая на нее руку, не совсем чтобы добрым тоном заметил он и в том же ключе поинтересовался: – А почему она сама не приехала, а прислала вас?

– Так получилось, – обтекала я формулировками истинные причины, – у нее небольшой форс-мажор, но она обязательно сегодня же свяжется с вами. – И я поспешила распрощаться, первый раз обратившись к нему по имени: – Ну что ж, всего доброго, Сергей Константинович, уверена, что ваше дело завершится самым наилучшим для вас образом.

И мотанула на выход, схватив в охапку портфель, сумочку, куртку, которую сняла, когда присела на диван, и практически побежала, но деловой рысью, сдержанной, не дожидаясь исполнения хозяином его долга – провожания. Может, его и удивила такая прыть адвокатши, но мыслей своих он не озвучил и не сильно отстал от меня, что я обнаружила уже у самой калитки, когда услышала вопрос у себя за спиной:

– А что, у вас все рядовые адвокаты ездят на машинах такого класса и уровня или это служебная? – даже как-то весело поинтересовался он.

А я чуть не подпрыгнула от неожиданности, пребывая в полной успокаивающей уверенности, что хозяин остался в доме, отчего и пропищала перепуганно-сдавленно нечто невразумительное, как гусыня, которую ухватили за горло и тащат под топор:

– Н-нет…

Что «нет» – было непонятно даже мне, но уточнять я ничего не стала, быстренько и скомканно повторив неполную процедуру прощания:

– До свидания, Сергей Константинович…

И, не выслушав ответного прощания, рванула в спасительное нутро любимой машины, на ходу отключая сигнализацию. Он стоял у калитки, засунув руки в карманы джинсов, и со странным выражением лица смотрел на мои прыжки и откровенный побег. Разворачивая машину, я почему-то махнула ему рукой приветственно-прощальным жестом.

Сбрендила. Верняк!

И это я?! Я, дама такого уровня и статуса, прошедшая такие крымы-рымы, что врагу не пожелаешь, холодная, уравновешенная женщина, владеющая собой в любой ситуации, – и прыгаю шуганутой белкой, блею, мелко трясусь, несу какую-то лабуду, возбуждаюсь не к месту и откровенно сбегаю – бред!

Полный бред и помутнение рассудка! И позор к тому же!

Видимо, находясь в глубоком послешоковом состоянии, я как-то на удивление споро и продуктивно завершила дела со своим основным клиентом, игнорируя его занудство, тупой снобизм и клиническую подозрительность, выражавшуюся придирками к любой мелочи и придумыванием возможных «ужасных обстоятельств».

Мое сознание как бы раздвоилось: одна половина занималась работой – четко, профессионально, не упуская ни одной мелочи; а вторая ругала себя на чем свет стоит и все пыталась справиться с потрясением от неожиданной встречи и от еще более неожиданных и таких предательских реакций организма и чувств на этого мужчину.

Как, каким образом я могла допустить столь непростительную для специалиста моего уровня, знаний и опыта ошибку?! Даже не просмотреть документы, которые везла, не поинтересоваться именем-фамилией клиента и хотя бы в общих чертах не вникнуть в суть данных его дела?! Я же не курьер по доставке пиццы, в самом-то деле!!! Да если б я узнала КОМУ предназначены эти бумаги, я бы точно не согласилась их передавать и избежала бы такого стресса и нервного потрясения! Ну как можно было вести себя так глупо?!

Знаете, в очень многих профессиях, связанных с риском для жизни, все правила безопасности «написаны» кровью. Абсолютно все! Кровью погибших. В адвокатской профессии, фигурально выражаясь, – кровью загубленных жизней клиентов и самих адвокатов. Это еще страшней! Их довольно много, этих неукоснительных и зачастую неписаных правил, но они, как основа основ, – единственная застолбленная тропинка через минное поле.

Я, конечно, совершив недопустимую ошибку, такого ляпа дала, как ни разу в своей практике, вот ни разу! Но тут надо кое-что пояснить и напомнить самой

себе, чтоб не так уж сильно себя обвинять.

Наша фирма, именуемая незатейливо, но с большой, неприкрытой долей тщеславия «Адвокатская контора «Русаков», по фамилии ее основателя, является одной из самых крупных и известных адвокатских контор и занимается юриспруденцией практически во всех сферах жизни. А именно: гражданскими, уголовными делами и международным правом. Мы с Игорем возглавляем два основных подразделения: он – больший, куда входят подотделы по гражданским, уголовным делам и юриспруденция бизнес-направления. Я же являюсь специалистом по международному юридическому праву, в основном Евросоюза и входящих в него стран, и возглавляю именно это подразделение.

Таким образом, дела и клиенты наших с Игорем отделов практически не пересекаются, за редким исключением, например: разделом имущества супругов, владеющих недвижимостью вне пределов страны. Но и такими исками занимается, в основном, мое подразделение, выводя их в отдельное судебное разбирательство.

К тому же мы вдвоем являемся единственными владельцами фирмы, а следовательно, наивысшей инстанцией для всех работающих в ней сотрудников, и, понятное дело, лично ведем самых крутых во всех отношениях клиентов и самые сложные и интересные дела – это уже без пафосной привязки к миллионам.

Я, например, выиграла одно дело, исковое требование которого исчислялось десятью евро, но оно было настолько необычным и сложным, и фигурировали в нем интересы и исторические ценности сразу трех стран. И выиграла, и разобрались, и все довольны остались, и истцы свои десять евриков получили в приложении к моральному удовлетворению.

В соответствии с моим статусом, сами понимаете, мне по рангу не положено, да и невозможно «поручить» какое-то дельце и уж тем более – передачу документов с «оказией». Приблизительно так же невозможно, как если б солнце поутру вставало с запада. А тут какая-то Леночка, непонятная, останавливает меня в коридоре и «поручает» мне (мне! – на минуточку) по просьбе Игоря Романовича заняться доставкой документиков. Масштаб моего недоумения оценили?

Теперь понимаете, почему я испытывала в тот момент чувство крайнего раздражения и глубокого недовольства и согласилась на эту «передачку» только потому, что Игорь попросил меня об одолжении лично. Видимо, недовольство приобрело слишком разрушительные для моих нервов масштабы, раз я даже не просмотрела бумаги и не поинтересовалась именем фигуранта. А может, снобизм с возрастом подкрался незаметно, или от клиентов им заразилась? Снобизм, знаете ли, такая заразная сволочная штука!

Черт знает! Но, повторюсь, – такого рода ляпы недопустимы для профессионала моего уровня и статуса!

Под эти вот рассуждения второй половины моего сознания я и завершила деловое общение с клиентом и с чистой душой порулила к выезду из поселка. Но мое целеустремленное движение, подогреваемое рвением побыстрее и желательно навсегда свалить из этого «Озерского», было остановлено перекрывшим дорогу шлагбаумом и премиленькой в своей простоте и непосредственности надписи, выполненной на куске картона, висевшего на будке охраны: «Отошел на пять минут».

Прелестно. Ты бы еще добавил для полной ясности: «Ушел в туалет».

Дело в том, что, когда проектировался и строился этот поселок на месте почившей в бозе деревеньки, «умные» строители провели все коммуникации водоснабжения и канализации для пункта охраны метров на пятьдесят дальше той точки, где должен был располагаться по плану сам домик. Промахнулись, так сказать, может, по пьяни, а может, по извечному русскому раздолбайству. На ошибку не обратили внимания, так как охранное учреждение ставили в самую последнюю очередь. Вот тогда-то и почесали в задумчивости затылки господа строители и махнули дланью – а-а-а, пусть так и остается, побегают служивые в клозет и к умывальнику, чего уж теперь, не тратиться же на дополнительные работы. Так что и в самых крутых поселках нашей родины строят, как и везде, – главное, чтоб не упало и не рассыпалось, а все остальное – фигня, дело житейское!

По правилам дежурить на посту должны два охранника, а посему задержек с въездом-выездом не должно возникать, даже если кого-то из них припрет желудочное расстройство, но то по правилам, ну а про действительность в нашей стране вы сами все прекрасно знаете. Вот и ждем-с….

Да и ладно, хоть расслаблюсь немного, а то плечи уже онемели от непокидающего с момента «встречи» с «Фордом» напряжения. Я выключила двигатель, откинула голову на подголовник сиденья, прикрыла глаза… и тут просигналила какая-то машина, подъехавшая сзади. Ну вот же! Расслабилась, называется!

Я посмотрела в зеркало заднего обзора: джип Range Rover, новье, последней модели. Классный. Люблю джипы, но, кажется, я уже об этом упоминала. Открылась водительская дверь, и из «Ровера» вышел Сергей Константинович Берестов собственной значимой, как утверждает Игорь, персоной.

Не, ну не засада, а?! Ну, полное… то, куда охранник отлучился!

Пришлось выбираться из машины, ну не игнорировать же господина Берестова, будь он неладен! Я прислушалась к себе – вроде ничего, в норме, дребежь внутренний хоть до конца и не прошел, но поутих до вполне терпимой стадии.

– Это опять вы! – констатировал Сергей Константинович очевидный факт, когда я подошла к его автомобилю. И оставалось неясным: не то пожурил, не то подивился, и тут же ошарашил, заявив теперь уже совершенно понятным, без вариантов, недовольным тоном: – Я собираюсь накатать кляузу вашему руководству!

– Это ваше полное и неоспоримое право, – кивнула я и живенько поинтересовалась: – А в чем суть кляузы?

– В принудительном стриптизе, – без тени юмора уведомил он и пояснил: – Ваша помощница, или не знаю, кто там из вашей конторы, утром звонила мне на домашний номер и разговаривала с моей бывшей женой, и именно с ней договаривалась о времени встречи со мной. При этом прекрасно зная, что она не проживает в этом доме, и мало того – именно она подала в суд иск о своих материальных претензиях ко мне.

– Та-а-ак, понятно, – протянула я, мгновенно внутренне напрягаясь.

Нечто такое я и предполагала, делая вывод из «ралли» его бывшей на «Форде» и распахнутых настежь дверей, но где-то очень надеялась, что все не так фатально для нас, может, простое недоразумение….

Но такое! За такие промахи выгоняют из профессии поганой метлой, с полной потерей имени, доверия, вплоть до лишения лицензии! Все, такого адвоката больше нет! Растворился в природе, исчез! А на безупречную репутацию фирмы-работодателя ложится пятно, и попробуй потом отмойся – запаришься! Лучше бы наша девонька сразу этой блондинке тупой лично в руки документы передала, тогда уж факт делового шпионажа налицо, и Леночке прямая дорога под суд, а у защитника господина Берестова еще один козырь на руках! Ну, (простите мне мой французский!) бля, Леночка!!! Ну, коза драная!!! Я тебе устрою! И Игорю заодно, до кучи!

– Видите ли, – помолчав и оценив степень потрясения, отразившуюся на моем лице, продолжил господин Берестов, – моя бывшая жена прекрасно осведомлена о распорядке моего дня и о том, что ровно в полдесятого утра я выхожу из душа и одеваюсь только после того, как пройду в кухню и выпью стакан сока, вот она и подгадала со временем и все двери открыла, а уезжая, еще и стырила у меня из портмоне наличность.

– Это будет трудно доказать, если только у вас в доме не понатыкано видеокамер, зафиксировавших момент кражи, – адвокатствовала я.

– Не понатыкано, – отмахнулся он и еле заметно скривился. – Да это-то ерунда, за ней такой грешок водится, не в первый раз приезжает сюда рано утром. Это у нее называется «обсудить наши дела», требует что-то несусветное, устраивает показательные истерики и, если я не замечу, тащит деньги из кошелька. Такая легкая форма клептомании. Я и внимания не обращаю. Но то, что она устроила в этот раз, перешло уже все границы, и я намерен разобраться и с ней, и с вашей конторой.

– Ну, Сергей Константинович, – примирительным, легким тоном предложила я перейти на шутливую волну, – разве вы старательно качаетесь и занимаетесь спортом не для того, чтобы женщины восхищенно вас разглядывали и растекались лужицей у ваших ног? «Давид» по сравнению с вами отдыхает в кустах, я, например, оценила.

– Я не посещаю тренажерные залы и не накачиваю фигуру, чтобы поражать девушек, – не принял моей шутливой подачи он и даже где-то отчитал: – Бегаю каждое утро, занимаюсь на турнике, отжимаюсь и хожу в бассейн три раза в неделю, а все остальное – просто хорошая генетика, и не более.

А я вдруг совершенно непроизвольно разулыбалась, словно он мне самый желанный подарок в жизни преподнес или одарил всеми бриллиантами мира. Хорошая генетика – это знаете как здорово! Это просто замечательно!

– Что вы улыбаетесь? – буркнул недовольно господин Берестов.

– Вспомнила, как вы усердно вытирали голову и что-то напевали, по-моему, «Rammstein», – бухнула я, прежде чем успела сообразить, что неосторожно напоминаю о неприятном для него моменте.

– А вы знакомы с творчеством «Rammstein»? – необычайно удивился он, даже брови приподнял.

– Знакома, – скромненько призналась я и вторично призвала к замирению посредством юмора: – Ну, согласитесь, ситуация была скорее комичная, чем трагичная, и я в ней более пострадавшая сторона по сравнению с вами. Потому что мне было ужасно неудобно.

– И поэтому вы на меня пялились и совершенно бесстыдным образом разглядывали? – позволил-таки себе легкий намек на улыбку Сергей Константинович.

– Это от неожиданности, – быстренько оправдалась я.

– Слушайте, вы мне все время кого-то напоминаете, – вдруг огорошил он неожиданным заявлением. – Кого-то очень знакомого, никак не могу сообразить. Может, вашу маму или сестру?

Меня он не узнал, это абсолютно сто процентов, да и не мог бы. Я очень сильно изменилась с того времени, когда мы виделись последний раз, приблизительно как гусеница в бабочку, а моего полного имени он никогда не знал. Но даже намек, тень подозрения, что господин Берестов мог бы меня узнать, резко испортили мое настроение и крайне неприятно насторожили.

– У меня нет сестры, а мама моя, уверяю вас, точно с вами не знакома, – довольно холодно ответила я.

– Я здесь! – прокричал от будки охранник.

И я, радуясь ему, как родному, за своевременное вмешательство в наш разговор, поспешила ретироваться в свою машину, не забыв про политес:

– Всего доброго, Сергей Константинович, – чуть склонив головушку свою, замученную сегодняшними событиями, пожелала я.

– И вам того же, – хмыкнул он и напомнил: – А кляузу я таки настрочу вашему начальству, хоть вы и пытались тут всячески льстить моему мужскому тщеславию.

– Пишите, – пожала плечиками я, садясь в машину.

Когда мы выехали с проселочной дороги на шоссе, он обогнал мою машину и, на прощание мигнув аварийкой, прибавил скорости и умчался вперед. А я внезапно почувствовала такую вселенскую усталость, как будто вагон картошки одна разгрузила.

Навалились разом все посттравматические реакции, и умученные нервы сдались, да так, что свинцово налились руки-ноги. Пришлось съезжать на обочину, чтобы немного переждать, пережить это состояние.

Нет, работать я сегодня больше не смогу, факт.

Посидев пару минут и немного расслабившись, насколько позволяли условия – в машине, на обочине шоссе, – я набрала Олега и перенесла все текущие дела и встречи на завтра, на послеобеденное время, хорошо хоть у меня никаких судебных заседаний на этой неделе нет.

Да, еще одно неотложное дело. И я набрала Игоря. Сил не наскреблось даже на то, чтобы поругаться от души или хотя бы наехать праведным гневом, пришлось ограничиться изложением фактов, не окрашивая речь эмоциями.

– Я ее уволю с волчьим билетом! На хрен! – взорвался Игорь, возмущенный до предела.

– Это ты сам со своими девицами разбирайся: на хрен там или еще куда, но если информация о подобном нашем проколе просочится, сам понимаешь, приятного мало, замнем, конечно, но осадочек-то останется… – устало, пустым голосом напомнила я о возможных последствиях.

Адвокатская контора такого уровня, как наша, обязана быть безупречна и девственно чиста, как королевская невеста в день бракосочетания.

– Что, устала? – участливо поинтересовался он.

– Устала, Игорь, – призналась я и предупредила: – Дома с документами поработаю, появлюсь завтра, после обеда.

– Слава, тебе давно пора в нормальный отпуск, а не в командировках между делами урывками отдыхать, – порадовал он искренней заботой.

– Да какой отпуск, Игорь, – вяло отмахнулась я.

– Нормальный! – с нажимом повторил мой компаньон и уже другим тоном, не менее уставшим, чем у меня, добавил: – Ладно, прикинем потом вместе, что можно с твоим отдыхом придумать, а пока езжай, действительно, домой, отлежись, и на хрен все документы. Просто отдыхай.

Иногда Игорь становился на удивление внимательным и чутким по отношению ко мне. Нет, он такой всегда, только тщательно скрывает эту свою заботу обо мне ото всех, и больше всего – от меня. Так наша жизнь сложилась, но я абсолютно точно знаю, что могу рассчитывать на него в любой, даже в самой беспросветной, безвыходной и распоследней гадской ситуации. Впрочем, как и он на меня.

Как и он на меня! И это самое ценное, что у нас с ним есть!

А все остальное – игры характеров, амбиций и застарелых обид – суть шелуха!

Документы, действительно, на хрен! В полнейшем бессилии я дотащилась из прихожей в гостиную и рухнула на диван, не переодеваясь, скинув только верхнюю одежду и туфли…

И так и лежала, не в силах пошевелиться, не имея никакого желания двигаться, и закрыла глаза после недолгого рассматривания моего идеального натяжного потолка, не обнаружив на нем ни единого пятнышка или хоть чего-нибудь, за что мог бы зацепиться взгляд. Мне не хотелось ни о чем думать и больше всего не хотелось думать о Сергее Константиновиче Берестове. Ни думать, ни вспоминать!

Пусть прошлое останется в прошлом и будет там похоронено и упокоено! Не хочу!!

Но память, растревоженная ошеломившей негаданной встречей, не хотела успокаиваться, и из всех щелей, закоулков и потаенных уголков сознания стали настойчиво лезть воспоминания.

Черт бы тебя побрал, Берестов!!! Вот черт бы тебя побрал!

Господи, как же я его любила!!!

Дурной, бескомпромиссной девичьей любовью! До потрохов! Полностью растворяясь в любимом, забыв о себе, – любила до головокружения!

Сейчас, с высоты своего возраста, опыта и приобретенной благодаря нелегким, а порой и страшным жизненным урокам мудрости, я отчетливо понимаю, что у меня тогдашней не было ни одного шанса избежать такой бурной, всепоглощающей любви к безумно привлекательному благополучному москвичу.

Я всегда была довольно бесшабашной, ни черта не боялась и уж точно выпадала из всех норм и правил поведения. Особенно это касалось правил провинциального городка, в котором родилась и выросла. Не скажу, чтобы это был маленький городишко – вполне приличный, крупный районный центр, но патриархальные нравы и нормы морального поведения там соблюдались с повышенной требовательностью и придирчивостью.

Мои родители относились к рядам местной интеллигенции: мама – преподаватель начальной школы, папа – простой инженер на заводе. Нормальная, обыкновенная семья.

Когда мне было десять лет, папа от нас ушел.

Просто однажды вечером он вернулся с работы, мы поужинали втроем, как было у нас заведено, папа встал из-за стола, поблагодарил маму за ужин и сказал:

– Мне надо собрать мои вещи, я ухожу. – И вышел из кухни.

Это было как гром среди ясного неба! Ладно бы для меня, я, как ребенок, могла быть не посвящена в их с мамой проблемы, но нет! Мама так растерялась, она ничего не понимала – почему, откуда напасть? Ведь ничего не предвещало!

Отец всегда ночевал дома и каждый день приходил с работы в одно и то же время, никогда нигде не задерживался и вел себя как обычно. Как всегда. И ничего такого не происходило: никаких событий, что могли вызвать его раздражение или резкие высказывания, никаких скандалов с мамой или хотя бы неприятных разговоров с предъявлением претензий – ничего, чтобы можно было предположить, что он недоволен семейной жизнью и у него имеется роман на стороне!

Впрочем, мой отец, Виталий Степанович Огнев, всегда был человеком закрытым, замкнутым, малоэмоциональным и малоразговорчивым – эдакая вещь в себе, сухарь педантичный. Я не помню случая, чтобы он обнял меня, поцеловал, как-то по-отцовски приголубил, спросил, как дела, как учеба в школе; иногда меня это сильно задевало, до слез, я же видела, как относятся отцы к моим подругам, как их балуют, любят. И порой мне страстно хотелось, чтобы он так же, как и те папы, меня любил и интересовался мной и моей жизнью, и хвалил за достижения. Но он был скуп на слова и никогда не проявлял чувств ни ко мне, ни к маме.

А через два часа, собрав все свои вещи, он просто ушел, сказав в дверях:

– Ну, прощайте.

И навсегда вычеркнул нас из своей жизни. Через месяц их с мамой развели, он обязался платить положенные алименты на меня и платил исправно свои двадцать пять процентов, но больше ни разу не позвонил, не появился и никаким иным образом не давал о себе знать.

Ушел – отрезал. Ушел, кстати, к другой женщине.

А нам с мамой стало даже как-то легче без него, словно мы из армии демобилизовались. И оказалось, что вместе с ним исчезла необходимость стараться ему угодить, и неожиданно выяснилось, что отец установил в семье строгие, жесткие и неукоснительно исполняемые правила, на которые мы теперь с удовольствием наплевали и жили раскрепощенными и свободными.

Лично для меня папа сделал несколько конкретных вещей в жизни: участвовал в моем зачатии, назвал меня Мирославой в честь какой-то там его прабабушки и лично зарегистрировал это имя в загсе. И восемь лет платил алименты со своей официальной зарплаты, которые равнялись, по нынешним временам если пересчитать, сорока рублям пятнадцати копейкам. Да, и еще от папы мне достались густые блондинистые волосы редкого пепельного оттенка, правда, у него самого был иной цвет волос, ну а мой, как утверждали родственники с его стороны, достался мне именно от той прабабушки. За что из всего перечисленного мне его благодарить, не знаю, пожалуй, только за первое.

И неожиданно открылось, что мамулька у меня молодая и интересная женщина – ей же всего тридцать лет было, и за ней начали ухаживать мужчины, и у нее случались романы. Но она никогда не приводила ни одного мужчину к нам домой и замуж отказывалась выходить, боялась почему-то и все шутила, когда я об этом спрашивала:

– А зачем, Славочка? Так я сама себе хозяйка, и никто мне не указ, а появится муж и сразу: это делай, это не делай, обслужи, обстирай, дом в чистоте держи, разносолами ублажи. А он потом встанет и уйдет. Нет, мне так лучше, – и спрашивала, задорно улыбаясь: – Нам ведь правда так лучше, дочь? Мы вольные и свободные.

Дочь соглашалась с утверждением и сильно перестаралась с воплощением данного постулата в жизнь: стала байкершей, а заодно и рокершей, и немного металлисткой. Дело в том, что мой троюродный брат Вадим (он старше меня на десять лет), сын маминой двоюродной сестры тети Вали, с которой они были в очень близких, родственных отношениях, увлекался мотоспортом, мотоциклами и всем, что с ними связано.

Когда мне было лет тринадцать, он как-то взял меня с собой на байкерскую тусовку, случайно так вышло. Наши мамы готовили праздничный стол к юбилею бабушки и отправили нас с Вадимом на дальний большой рынок за покупками, но рынок по какой-то технической причине оказался закрыт, и мы без зазрения совести просто слиняли. Чтобы не попасть под еще какое-нибудь их поручение. Ну, а так как Вадим при любой возможности «линял» только в свою байкерскую компанию…

Девочка я была решительная, абсолютно ни черта не боялась, энергии и любопытства во мне хватило бы на батальон рядовых девчонок, потому и неудивительно, что уже через месяц я лихо рулила на самом маленьком мотоцикле, который мужики подобрали специально для меня. Как ни странно, я вписалась в сообщество этих людей – ни в коем случае не банды! Руководил этим клубом и являлся непререкаемым авторитетом некто Варяг, в простой жизни звавшийся Николаем, был он старше всех и немного страшноватый от старого ранения в лицо, которое получил в Афгане. Вот он и требовал от всех соблюдения законов, никакого раздолбайства, никаких правонарушений, и строго за этим следил, и беспощадно изгонял из группы даже за намек на криминал. Он же, Варяг, и решил, что девочка Слава вполне достойна того, чтобы вступить в их ряды, правда, с одним условием – я обязана хорошо учиться в школе.

Знаете, как я старалась? Я стала круглой отличницей, только бы не вылететь из любимой тусовки. И гоняла на мотоциклах, и наизусть знала все рокерские коллективы и их композиции, и даже пару лет пела в одном местном рок-ансамбле, и тащилась от металлики, а «Rammstein» стал одной из моих любимых групп.

Но этого мне показалось мало. А прикид? Обязательно!

И в шестнадцать лет я ходила по улицам, шокируя своим видом пуританских прохожих, в черных в обтяжку брюках из синтетической кожи, в черных майках с портретами любимых исполнителей, в черной косухе с заклепками, в обрезанных перчатках и тяжелых армейских «берцах» на ногах.

Свои прекрасные пепельные волосы я обрезала под безукоризненное «каре» с челкой ниже бровей и красила их, разумеется, в «радикально черный» цвет, а макияж делала такой, что порой и глаз не было видно. Дополняли эту «картину» три косых шрама на правой щеке – один подлинней и два маленьких, –

полученных мной от падения с мотоцикла, когда меня протащило мордой по асфальту. Не такие прямо страшенные и выпуклые шрамы, но очень даже заметные.

Так что со свободой и волей я как-то переборщила.

Мама поначалу пугалась, а потом махнула рукой – перебесится ребенок, само пройдет! Она лично встретилась с Варягом-Колей, долго с ним разговаривала, и с Вадимом беседовала, и решила не трогать меня и не поучать. Главное, она знала точно: я не пью даже пиво, не курю и уж тем более не балуюсь никакими наркотиками, и нахожусь под постоянным и неусыпным приглядом нормальных ребят. И, кроме того, мы объездили пол-России по историческим местам, каждый раз с какой-то идеей: то средства собрать для сиротского дома или для реставрации церкви, то на какие-нибудь рок-фестивали.

Одним словом – жизнь бурлила! При этом у нас с мамой наступила полная любовь и взаимопонимание. А для полного спокойствия ее нервов я стала лучшей ученицей в школе и победила на нескольких олимпиадах. Правда, у меня лично создалось впечатление, что победу мне присуждали скорее от испуга, когда, грохоча тяжелыми ботинками, я подходила к преподавательскому столу и, позвякивая заклепками на косухе, усаживалась на стул, и хлопала тяжелыми от туши ресницами, грозящими в очередной раз просто не разлепиться.

В шестнадцать лет я твердо решила, что стану юристом. И пришло ко мне это озарение в околотке одного из маленьких городишек, который проезжала наша бригада, путешествуя летом по стране. Заперли нас просто так, для профилактики, за один только внешний вид и мотоциклы на всю ночь. И меня просто порвало от невозможности что-то доказать красномордым ментам, издевательски похохатывавшим над моими потугами добиться справедливости.

А вот если бы я знала законы… далее последовало озарение: вот оно, призвание моей жизни! Стану юристом!

Ну а куда может поступать лучшая ученица школы, победительница олимпиад?

Разумеется, только в Москву! А что, могли быть другие варианты?

А вот вопрос второй, сам собой напрашивающийся из такого решения, оказался куда как сложнее: а на какие шиши сей банкет?

Мне семнадцать лет, на дворе девяносто пятый год, в стране сами помните, что творилось, а уж в Москве и подавно. Мамочка моя, для того чтобы мы могли хоть как-то прожить, три года назад ушла с работы и стала челноком: таскала на себе неподъемные тюки с барахлом и стояла на рынке, торговала в любую погоду. И в Москву эту ездила почти каждый месяц за товаром – уж она-то точно знала, что представляет собой эта столица!

– Езжай, – решила мама, когда поздно ночью, после последнего моего выпускного экзамена в школе, мы сидели за столом в кухне и отмечали это событие моим первым в жизни шампанским, – справимся как-нибудь. Для чего я в эти челноки-то проклятые пошла, чтобы тебе как-то жизнь обеспечить. Езжай! Поступай! Только, дочь, учись там лучше всех!

И я поехала!

Боже! Я попала в другой мир, другую вселенную, в параллельное измерение!

Москва! Здесь все оказалось совершенно иным: энергия города, его ритм, магазины, улицы, кафе-рестораны, люди, жизнь – даже воздух этого города был особенным!

Я поступила сразу и довольно легко, у меня и сомнений не было, и опасений по этому поводу. И место в общежитии мне дали сразу и без проблем, невзирая на все «страшилки», которые рассказывали другие абитуриенты про то, как это сложно, и что надо взятку давать, и что место дают только одному из десяти претендентов. Ну, это вас девять, а я та самая одна – воображала я себя такой фифой распрекрасной.

И началась моя новая интересная, захватывающая жизнь!

Мне нравилось учиться, я с удовольствием ходила на все лекции и занятия, раньше будильника вставала – вот насколько увлеклась образованием! И нравилось исследовать Москву, открывать ее для себя, ходить по музеям, улицам и проспектам – я даже специальную карту достопримечательностей и исторических мест приобрела и отмечала кружочками, где уже побывала. И

завела новых друзей, перезнакомившись со своими однокурсниками и девчонками из общаги.

Я жила, училась, радовалась на полную катушку, с таким удовольствием проживая каждый день, что мне было нестерпимо жаль тратить время на сон!

В конце сентября у парня из нашей группы, московского мальчика из обеспеченной семьи, случился день рождения, и он решил отметить это событие в клубе и пригласил пять одногруппников, в том числе и меня. Ну, вроде так само собой сложилось, что мы впятером теснее всего общались, и где-то даже сдружились, и уж точно постоянно вместе тусовались: гуляли, в кино ходили.

Девяносто пятый год – такое новшество, как ночные клубы, даже в Москве было еще вроде как экзотикой, хотя и бытовало уже вовсю, но воспринималось пока еще малопривычным явлением.

Я все переживала, что нас не пустят: нам же всем еще восемнадцати не было, вот только имениннику, но мои опасения не подтвердились – столик был заказан и нас пропустили без всяких вопросов.

Памятуя о наставлениях Варяга, которые он вдалбливал мне годами, я только делала вид, что пью наравне со всеми, благо в темноте, в сверкании прожекторов, грохоте музыки и праздничной эйфории всем было по барабану, кто там пьет и что. Зато я оторвалась на танцполе, так отплясывая, что не замечала ничего вокруг, мне и без допингов было весело, бесшабашно и классно!

А вот народец наш студентиком был пока еще хилым, «боевого» опыта пития еще не имевшим, – мальчишки быстро как-то набрались и так же быстро от пьяного куража и безбашенных танцев спланировали в тяжелое опьянение с соответствующими последствиями.

– Славка! Помоги! – прокричал мне в ухо Антон. – Мне в туалет надо, а сам я не дойду!

Пришлось подставить плечо, обнять за талию и пробиваться с этим телом через толпу в холл, к туалету. Парень оказался тяжелым для меня, сначала я его уронила посреди зала, он громко ржал, возился на полу, пытаясь подняться,

помогли какие-то ребята, под веселые комментарии подняли и снова повесили его на меня. Второй раз я его не удержала уже возле самой двери у выхода из зала, всего метра два оставалось, но он споткнулся, громко натужно икнул, и я, испугавшись, что его сейчас вырвет прямо на меня, отскочила в сторону. Антон предпринял слабую и обреченную заранее попытку удержать непослушное тело вертикально, как-то нелепо переступил ногами и шлепнулся на колени.

Я стояла, смотрела, как он там копошится, и размышляла, а не внести ли конструктивное предложение, посоветовав ему проделать оставшийся путь до клозета на четвереньках – так, пожалуй, безопасней будет для всех.

Мои размышления на отправной точке, когда решение уже принято и пора переходить от мыслей к делу, прервал какой-то парень. Осторожно отодвинув меня в сторонку, он наклонился над несчастным Антоном и весело посочувствовал:

– Ну что, брат, водка, пиво и текила?

И как-то совсем легко, без особых усилий, поставил моего друга на ноги, подхватил одной рукой за талию и, повернувшись ко мне, спросил:

– Куда?

– В туалет… – сообщила я целевое направление нашего движения.

– Понятно, – хохотнул он. – А вы, девушка, его и там собирались сопровождать?

– Нет! – проорала я, перекрикивая музыку, загрохотавшую после небольшого перерыва новой композицией. – Я бы его в дверь впихнула и все!

– Идем! – прокричал в ответ парень.

Почему-то я чувствовала себя ответственной за Антона и стояла в холле, ожидая, пока они с добровольным помощником выйдут из туалета. Предполагая, видимо, что ожидать проявления дальнейшего героизма у незнакомца было бы верхом неприличия и тащить это тело назад придется мне самой.

Но когда они все-таки вышли, через довольно продолжительное время, правильнее сказать: вышел парень, а Антона он вынес на своем плече, и я наконец смогла рассмотреть в ярком свете холла моего помощника – мир вокруг для меня перестал существовать! Словно вокруг погас свет и лишь только его одного высветил луч мощного прожектора!

Парень показался мне таким потрясающим, таким мужественным, сильным, красивым, необыкновенным! И таким родным, единственным во всем мире!

Я смотрела на него во все глаза, по-моему, даже рот открыла, выпав из пространства и времени, я оглохла: не слышала музыки, не слышала его слов, только видела, как шевелятся его улыбающиеся губы, как он засмеялся, как, подкинув чуть вверх, поудобней перехватил Антона….

Несколько секунд я стояла в абсолютном ступоре и глядела на него, как деревенская дурочка на царя-батюшку, чудным образом материализовавшегося на главной улице посреди извечной большой лужи, с копошащимися в ней соседскими гусями.

А потом – резко – мир вернулся назад, и снова заорала у меня за спиной музыка, и парень вновь весело обратился ко мне:

– Я спрашиваю, может его здесь оставить, танцевать ваш кавалер точно уже не сможет!

– Он не мой кавалер, просто друг, мы тут день рождения отмечаем! – быстро отказалась я от более близких отношений с Антоном.

– Ваш? – спросил мужчина моей мечты.

– Что?

– День рождения, спрашиваю, ваш?

– Нет, нашего одногруппника.

– Ну что, нести его назад в зал?..

– Не надо, вон на скамейку посадите, – указала я на лавку у гардероба.

Он пристроил уже засыпающего Антона на скамью, прислонив его к стеночке, повернулся ко мне и предложил:

– Пойдем, потанцуем?

Ну, конечно, да!!! Если б он предложил мне сейчас в фонтане искупаться или рвануть на Северный полюс – да, не раздумывая! Куда угодно!

– Тебя как зовут? – прокричал он мне в ухо во время танца.

– Слава! – прокричала я в ответ.

– А по паспорту?

– Слава! – уверила я криком.

– Это мужское имя!.. – напрягая голос, возразил он в грохоте музыки.

Имя мое мне всегда не нравилось! А, скажите на милость, какой бы нормальной девочке, детство которой протекало в восьмидесятых годах, нравилось бы такое имя? Поэтому с ясельной группы детского сада я откликалась только на «Славу». И всегда, и неизменно при новом знакомстве, стоило мне представиться, каждый человек считал своим долгом открыть мне глаза на то, что это мужское имя. Предполагалось, видимо, что живу дурой и не знаю про половую принадлежность своего имени.

Неожиданно музыка прервалась – одна композиция закончилась, а следующую диджеи обсуждали с двумя посетителями, спорившими между собой.

Я воспользовалась моментом.

– Давай я сразу отвечу на все твои банальные вопросы, – деловито предложила я. – Да, это мужское имя, и ты миллион второй человек, который считает своим долгом меня об этом оповестить. Да, судя по моему прикиду, я байкерша,

обожаю мотоциклы и классно на них езжу с тринадцати лет. Это, – я коротким, резким жестом руки указала пальцем на свои шрамы на щеке, – оттуда, неправильно вошла в поворот и пролетела лицом по асфальту. Да, раз я ношу футболку с логотипом известной группы, я рокерша и пела в одном местном рок-ансамбле. И да, я уважаю также и металл, но не весь.

– Я Сергей, – серьезно представился он, протянув мне руку для рукопожатия, пожал мою ладонь и рассмеялся. – Ты забавная! Идем к нам за столик, поболтаем, – и он махнул куда-то в сторону рукой. – Мы с мужиками тут одну сделку удачную обмываем. Расскажешь, откуда ты, такая крутая байкерша, в Москву приехала.

Вновь загремевшая музыка обрушилась на нас неожиданно и раздражающе громко. Мы скривились одновременно от резанувших по ушам звуков, и Сергей, взяв меня за локоток, начал пробираться в сторону своего столика. Правила и наставления Варяга, закрепленные в моем мозгу на уровне рефлексов, я не могла проигнорировать даже ради этого мужчины и остановилась посреди танцпола.

– Что? – прокричал Сергей.

– Я тут с друзьями! – проорала я оправдание и указала на столик, где сидели мои одногруппники. – Мы день рождения отмечаем, я говорила!

– Ладно, – посмотрев в том направлении, куда я указала, согласился он, – но потанцевать тебя еще можно будет пригласить?

– Обязательно! – обрадовалась я.

За нашим столиком праздник закончился абсолютно очевидно: народ перепился, мало что соображал, заорал бравурно-пьяно, узрев мое возвращение, даже не поинтересовавшись, куда исчез Антон. Но занятия своего упорно не бросали, продолжая что-то пить, подтанцовывать, сидя на месте, подпевать, а кто-то уже отрубился и посапывал, откинувшись на диванную спинку, кто-то спорил не пойми о чем, не слыша друг друга. Мне стало совершенно неинтересно, скучно, грустно. Я постаралась сесть так, чтобы видеть часть столика, за которым устроилась компания этого Сергея, но, увы – отсюда я могла различить только его плечо и затылок, и то его постоянно кто-то загораживал.

Кто-то сунул мне бокал с коктейлем в руку, Мишка привалился ко мне горячим боком и принялся что-то рассказывать, дыша в лицо перегаром и чесночной закуской, я честно старалась не морщиться и потихоньку отталкивала его от себя подальше.

Занятая этим непростым делом, я не сразу услышала какие-то громкие крики в дальнем углу зала, а когда они стали набирать мощь и интенсивность, подумала, что какая-нибудь компания тоже шумно и чересчур весело отмечает свое значимое событие. Но вдруг меня ухватили за предплечье и резко дернули с места вверх.

– Быстро хватай свои вещи! – прокричал мне в ухо Сергей. – И валим отсюда!

Сумочку и куртку я схватила, не задумываясь, но про «валим» попыталась уточнить:

– Что случилось?!..

– Там нехилое махалово началось, через пару минут весь зал будет участвовать, а через пять минут приедет милиция и сгребут всех подряд!

– А они? – кивнула я в сторону своей компании.

– А ты хочешь их всех на себе вынести? – очень подивился он. – Сами они уже не пойдут. – И успокоил: – Да ничего с ними не будет, проверят документы и отпустят, только эта бодяга до утра затянется. Все, девочка Слава, разговаривать мы с тобой потом будем, а сейчас тупо смываемся из этого гнезда порока.

Усердно работая локтями, Сергей прокладывал нам путь к дверям, благодаря чему мы на удивление быстро выскочили в холл, где, как выяснилось, нас ждали его друзья, с которыми, помнится, они отмечали какую-то сделку.

– Это твоя байкерша? – спросил весело один из них, тот, что был поменьше ростом. – Симпатичная!

А я увидела спящего на скамейке Антона и кинулась к нему:

– Антон! Антон! – трясла я его, пытаясь разбудить.

– Ты всех сирых и убогих спасаешь или выборочно? – спросил у меня за спиной Сергей и, демонстративно тяжко вздохнув, отодвинул меня в сторону, распорядившись: – Леш, взяли!

С одним из парней они подняли Антона, закинули его руки себе на плечи и быстро направились к выходу, третий парень открывал перед нами двери, охрана этим уже не занималась, кинувшись в зал на звуки набиравшего там обороты побоища.

Оказавшись на улице, мы все куда-то побежали подальше от клуба. Через какой-то двор вышли на соседнюю улицу, где мужики прислонили Антона к стенке и, придерживая его руками, чтобы не упал, озадачили меня вопросом:

– Ты знаешь, где он живет?

– Нет, – чистосердечно призналась я и уточнила: – Где-то в Чертанове, с родителями, он москвич.

– Исчерпывающая информация, – «похвалил» Сергей и принялся проверять карманы пиджака пьяного студента.

А я только теперь поняла, почему Антон его так и не снял, хотя в клубе жара стояла несусветная, да и танцы, и выпивка – оказалось, что у него под правой рукой разорвалась по шву рубашка.

– Энергично парень отдыхал, во всех отношениях, – прокомментировал сие открытие Сергей и порадовался: – Ага! Вот и паспорт! Молодец мальчик, документ при себе носит, – похвалил он и передал документ другу: – Леш, посмотри там точный адрес.

Адрес выяснили, такси поймали, Антона в машину погрузили, а когда Сергей заплатил водителю и попросил доставить тело к подъезду, обещав проверить лично и предупредив, что «срисовал» номера его машины, то стал для меня окончательно и бесповоротно героем всех времен и народов и самым распрекрасным человеком на свете!

Распрекрасный человек на свете продолжал командовать и руководить и после отъезда такси с бесчувственным Антоном и, выяснив у меня, знаю ли я домашний номер телефона моего отбывшего одногруппника, привел к автомату на углу, распорядившись, чтобы я позвонила его родителям – пусть выйдут встречать сына. Проследив за исполнением, наконец, представил меня друзьям:

– Ну, знакомьтесь, это Слава, а это Дима и Алексей.

Мы произнесли ритуальное «оч приятно», пожали друг другу ручки и тут же распрощались. Ибо они отправились по домам, а Сергей предложил мне немного пройтись, после чего обещал посадить на такси. Ну про то, что за ним я пошла бы куда угодно, я уже упоминала…

Я не помню, о чем мы говорили, я просто смотрела на него, не отрываясь, и все старалась забежать вперед, чтобы лучше видеть его лицо, и смеялась как-то нервно от переполнявших меня чувств, с которыми и не пыталась совладать. А когда он предложил пойти завтра вместе в театр, в «Ленком» на премьеру, я чуть сама из себя не выпрыгнула от восторга!

С ним! Вдвоем! В театр! Я даже говорить не могла!

– Ну что, пойдешь? – усмехался он моей восторженности. – У меня как раз два билета есть.

– Я пойду! – прохрипела почему-то я и кивнула, закрепляя согласие.

– Тогда завтра, в полседьмого у театра встречаемся, – рассмеялся он.

Я почти не запомнила спектакль, который мы смотрели, меня просто душили чувства, эмоции, перехлестывающие через все возможные края!

Мой герой, мужчина всех моих девичьих грез, был так прекрасен!

Я увидела его, ждавшего меня у театра, в строгом костюме, потрясающе красивого, и просто задохнулась, и так и не смогла нормально дышать все остальное время потом, пока шел спектакль! Я очень старалась хорошо выглядеть – перемерила все, что было из одежды у меня, и половину вещей

девчонок, соседок по комнате, – на это важное мероприятие меня собирали всем миром. Вышло очень даже классно!

– Отлично выглядишь! – оценил наши старания Сергей, когда я подлетела к нему, как резвая кобылка к любимому хозяину.

После спектакля мы пошли гулять!

И так это было потрясающе!!! Он показывал мне свою Москву, ту, которую знал и любил. Мы неторопливо прогуливались по каким-то улочкам центра, странным и порой причудливым образом изгибавшимся, перетекавшим друг в друга, делавшим резкие повороты, демонстрируя свои старинные дома, особняки. И, слушая рассказы Сергея, я очаровывалась, влюблялась в эти улицы и понимала, что этот город теперь навсегда войдет в мой мир, в мое сердце и душу вместе с переполнявшими меня чувствами восторга и любви к этому парню.

Он рассказал и о себе, что ему двадцать три года, что он коренной москвич в пятом поколении, что окончил Финансовый институт, теперь ставший Академией, и что уже на третьем курсе они втроем с друзьями, с теми самыми Алексеем и Димой, занялись бизнесом. Сначала просто мелкой торговлей, потом перешли на опт и что только не продавали и перепродавали! Поведал, что Дима гениальный программист, и они очень неслабо «поднялись» на торговле компьютерами и программным продуктом, который он делал. А на четвертом курсе они уже основали свою фирму, и все равно торгуют, но уже совсем иными объемами и на гораздо более высоком уровне, и подумывают о производстве…

Мне было жутко интересно, я слушала его голос, и мне казалось, я погружаюсь в океан под именем Сергей Берестов! К моменту, когда он сажал меня в такси, я уже твердо знала, что это мужчина всей моей жизни, и я люблю его больше всего, что существует на свете – больше неба и звезд и больше себя самой! И твердо решила, что непременно соблазню его в следующую нашу встречу.

Он не был писаным, классическим красавцем и Аполлоном тоже не был – симпатичным, очень харизматичным, по-мужски необычайно привлекательным, стройным, мускулистым, высоким был, в принципе, вполне обыкновенным парнем. Но мне, в моей безумной влюбленности он казался потрясающе, необыкновенно красивым!!!

Самым красивым мужчиной на свете!

Мы договорились встретиться в пятницу поздно вечером у метро, и я тщательно готовилась к этой встрече. Твердо решив расстаться со своей девственностью, я почему-то вообразила, что лучшего способа для исполнения задуманного, чем соблазнение мужчины, не найти. Я как-то упустила из виду тот момент, что для такого мероприятия, как соблазнение, не мешало бы иметь хоть какой-то мало-мальский опыт. Для начала было бы неплохо хотя бы поцеловаться серьезно раз в жизни с каким-нибудь мальчиком!

Вот чего не было, того не было! Ну и что? Я пошла другим путем!

Сергей несколько раз повторил, что мои увлечения байками, роком и металлом весьма необычны для провинциальной семнадцатилетней девочки, это и для москвичек-то эпатаж, а уж для барышни из глубинки так вообще за пределом воображения. Но ему мой образ нравился, веселил даже.

А раз так, то будем придерживаться роли отвязанной, немного стервозной роковой красотки. Но на пути к такому радикальному перевоплощению я столкнулась с одним моментиком, ранее никогда меня не волновавшим…. Как бы это поделикатнее объяснить?

Скажем так: мои нижние волосы, завиваясь веселыми кучеряшками, были прекрасного пепельно-белого цвета, что, согласитесь, с ролью роковой брюнетки никак не вязалось. И глупое дитя решило это недоразумение ликвидировать путем покраски.

Ощущения представили? Вот-вот! Повизжав минут с пяток, я сбрила всю эту так и не успевшую прокраситься красоту на фиг! А порассматривав результат в зеркале, решила, что как-то слишком голо получилось, и сбегала в специальный магазин. К вечеру на моем бритом лобке красовалась временная накладная татуировочка в виде бабочки. По-моему, для выбранного мной образа в самый раз – нечто оригинальное!

И всю дорогу до места свидания я повторяла про себя, как мантру, чтобы не струсить в последний момент и что-нибудь не испортить: «Я роковая женщина, я роковая женщина, я сама решаю, с кем и когда заняться любовью!»

Он преподнес мне очень милый букетик из небольших розочек.

– Спасибо, – сказала я, чуть зарумянившись от неожиданности и удовольствия, и выпалила: – Поехали к тебе!

– Ого, вот так сразу! – усмехнулся Сергей и пошутил: – Славка, ты же еще маленькая! Тебе еще рано такими взрослыми делами заниматься!

– Была бы маленькая, ты бы со мной не встречался! – вполне резонно, между прочим, заметила я.

– Славка, Славка, – тягостно вздохнул он, перестав улыбаться, – и откуда ты свалилась на мою голову?

– Из ночного клуба, – напомнила со всей серьезностью я.

Бабочка на голом лобке привела мужчину в восторженное обалдение, а открытие, что я только что была девственницей, окончательно доконало.

– Почему ты мне не сказала! – орал Сергей, подскочив с ложа любви. – Если б я знал, ни за что не потащил бы тебя в кровать!

– Поэтому и не сказала, – призналась я, стыдливо прикрывая голую грудь одеялом.

– Твою ж мать! – бушевал он, от растерянности засунув обе ладони в волосы. – Ты так выглядишь, словно потеряла девственность лет в тринадцать, когда первый раз села на мотоцикл! Да еще эта бабочка!!! Ты же была в банде байкеров!

– Они никогда не были бандой! – заступилась я за своих. – И не нарушали ни одного закона! Это команда серьезных, настоящих людей, к тому же занимающихся благотворительностью!

– Охренеть! – посмотрев на меня, выдавил он.

Сходил на кухню, принес оттуда бутылку водки, налил себе рюмку и выпил, залив в себе, как я поняла, муки совести, обвинявшие его в растлении малолетних. Бушевал он недолго, резонно рассудив, что раз непоправимый урон уже нанесен, то и причитать нечего, и вернулся ко мне в кровать!

Мы провели вместе все выходные. Выбирались в город, гуляли по Патриаршим, по Волхонке и Арбату, заходили в кафе, и он угощал меня кофе и потрясающими пирожными, смеялись, шутили, целовались без конца, и Сергей все требовал, чтобы я рассказывала про свою банду, как он ее все равно продолжал называть.

Он невероятно много работал, я училась, но каждые выходные дни мы проводили друг с другом. Сергей заезжал за мной на стареньком, дребезжащем «БМВ» вечером в пятницу, иногда совсем поздно, и мы ехали в квартиру, которую он снимал. Порой не вылезали из кровати по два дня, не в состоянии оторваться друг от друга, а в понедельник утром я прямо оттуда уезжала в институт.

Я не интересовалась особо, чем он занимается, мне было все равно, даже если б выяснилось, что он наемный убийца, но, к счастью, он избрал какой-то иной вид деятельности. Сергей постоянно куда-то ездил, в любое время суток – растамаживал какие-то вагоны, фуры, договаривался о складах и торговых площадях. Даже среди ночи звонил, жужжал и включался факс по нескольку раз, выплевывая из своего нутра какие-то документы. Он мог сорваться по звонку телефона в воскресенье утром и вернуться только ночью, уставший, посеревший лицом, вымотанный до предела. Я делала ему массаж, горячую ванну и кормила всякими вкусностями. Я очень здорово готовила – это тоже было одним из моих хобби. И мои кулинарные шедевры ему невероятно нравились, он даже глаза закатывал от восторга, когда пробовал. А уж я старалась изо всех сил!

Но, даже вымотанный и уставший выше всякого предела, он, оказавшись в постели, неизменно тянулся ко мне, и мы занимались сводящей меня с ума любовью.

Сергей легко, без опасений и каких-либо колебаний, без раздумий на тему «а надо ли», знакомил меня со своими друзьями, и мы часто ездили за город, на дачу к кому-нибудь из его приятелей и здорово проводили время, как правило, с гитарами, песнями и совсем малым количеством спиртного. Он и его друзья, Алексей и Дима, вообще мало пили, это я отметила сразу. Но, к моему

сожалению, большую часть таких посиделок мужчины проводили в долгих разговорах о бизнесе, о политике, об экономической ситуации в стране и о возможных вариантах ее развития.

Я слушала очень внимательно, стараясь все понять и запомнить, но мне это не совсем удавалось. Да о чем там говорить! Кроме него, предмета моего обожания, меня вообще мало что интересовало, разве что только моя учеба.

Ради него я готова была абсолютно на все: хоть с башни сигануть, хоть босиком по раскаленным углям пройтись. И стала гораздо меньше краситься по его просьбе, довольствуясь лишь легким макияжем, и перестала одеваться уж так прямолинейно по-рокерски, закинув куда-то подальше свою косуху и черные штаны, ограничиваясь джинсиками, свитерами и курткой вполне умеренного толка, ну чуть-чуть с уклоном в любимое байкерство. Но стрижку «графическое каре», черные волосы, корни которых подкрашивала каждую неделю, чтоб никто не догадывался об их истинном цвете, и бритый лобок с периодически восстанавливаемыми разными татушками оставила в прежнем виде. Последнее ему особенно нравилось и почему-то очень веселило.

Мы вместе встретили Новый год в компании его друзей в загородном доме, и ходили там по лесу на лыжах, и катались в санках с горки, и играли в снежки, и всей компанией лепили снежную бабу. А возвращаясь в дом, грелись у большой печки и тихими голосами пели под гитару и играли в «монополию», в которую господин Берестов выигрывал всегда, вызывая неизменное разочарование остальных и азартное желание отыграться.

И это было такое непередаваемое счастье!!

Я летала! Обнаружилось, что у меня есть невидимые крылья! Я жила в раю, я дышала волшебным, пьянящим воздухом этого рая, и мне казалось, что так будет всю оставшуюся жизнь, потому что скорее все моря и океаны выйдут из берегов, чем сможет остыть моя любовь к нему, стать спокойнее, привычнее – стать иной! Всем накалом своей души, каждой клеткой я буду так же сильно любить его всю жизнь. А он меня!

В конце января Сергей заехал за мной в общежитие совсем поздно, часов в одиннадцать вечера. Я, счастливая, улыбающаяся, раскрасневшаяся от морозца и чувств, впорхнула в машину, поцеловала его в щеку и тут же перестала

улыбаться, увидев, как он выглядит. От усталости и каких-то переживаний Сергей не просто осунулся, он почернел лицом, под глазами залегли темные круги, заострились скулы, впали небритые щеки, покрытые многодневной щетиной.

– Сережа, что-то случилось? – перепугалась я.

– Ничего, Славка, – хриплым, замученным голосом сказал он. – Просто устал, как собака, вымотался – проблемы рабочие навалились одна за другой. И есть хочу, – попытался улыбнуться он.

Это мимическое действие давалось ему с трудом, совсем не давалось, можно сказать, лишь обозначило морщины, которых у него до сих пор не наблюдалось, он словно постарел на несколько лет.

– Тогда поехали скорей домой! – поторопила я, прижавшись к его плечу. – Буду тебя кормить, жалеть и баловать, и ванну тебя расслабляющую сделаю!

– И песенку спою, – добавил он, поцеловав меня в лоб. – Поехали, мне такая программа нравится.

Целые сутки Сергей просто отлеживался. Выключив все телефоны, смотрел рассеянно телик, о чем-то думал все время, и тяжелая складка то и дело появлялась между его бровей. Что не мешало ему с удовольствием и с аппетитом съедать все, что я старалась приготовить. Обычно, когда я кулинарила, он находился со мной в кухне и помогал, выполняя работу «помощника шеф-повара», как он шутливо это называл, и мы болтали, смеялись, пока готовили, а потом вместе мыли посуду.

В те сутки у него на это не было ни сил, ни желания, и я его жалела страшно и все старалась как-то побаловать, даже шампанское, позабытое в холодильнике после январских праздников, открыла, что он поддержал с энтузиазмом.

Всю ночь мы занимались такой потрясающей любовью, что мне казалось, у меня сердце разорвется, и он совсем не давал мне спать, начиная целовать, если я задремывала, и все шептал горячими губами:

– Не спи, Славочка, хочу, чтобы ты была со мной, потом поспим…

И я откликалась на этот зов, и отвечала на его ласки, и с ума сходила от его нежности, от его страстного напора, а он шептал мне какие-то слова о том, какая я необыкновенная, прекрасная и что-то еще, еще…

Я почти не слышала, что он говорил, все мое тело звенело каждой клеткой, в голове, оглушая, стучала набатом кровь, и я шептала что-то в ответ, и принимала, принимала эту его горячую неистовость…

А утром наступила моя смерть, и я умерла – меня не стало.

Когда я проснулась, он, полностью одетый и выбритый, сидел на краю кровати и смотрел на меня, наклонился, поцеловал коротко в губы, снова сел прямо и сказал:

– Славочка, сегодня я улетаю в Америку. Надолго. Навсегда. Жить.

– Как это?.. – совершенно и абсолютно не поняла я.

– На самолете, – даже без слабого намека на шутку ответил он.

– Но почему?! – тупила девочка Слава.

– Я это давно планировал, – начал объяснять он, отвернувшись от меня и глядя куда-то на старый хозяйский сервант. – Еще до встречи с тобой, и документы давно подал на выезд. У меня билет уже несколько месяцев как на руках, но до последнего момента, до позавчерашнего дня, было неизвестно, выпустят меня или нет.

– А позавчера стало известно? – прохрипела я вмиг осипшим голосом.

– Да, – кивнул он, – вещи свои я уже собрал и вывез отсюда, остались только мелочи, с техникой, квартирой и хозяином мужики разберутся. А сейчас нам надо собрать твои вещи и уезжать. Мне в аэропорт пора ехать, а для тебя я вызову такси. Вставай, Славочка, времени в обрез.

Он поднялся с кровати, постоял немного, посмотрел на меня непонятным, странным, пугающим взглядом и вышел из комнаты.

Нет, решила я, это какая-то шутка!

И пулей выскочила из постели. И, путаясь в рукавах, штанинах, дрожащими руками принялась торопливо одеваться и понеслась следом за ним. Сергея я нашла в ванной, он складывал в пакет мои вещи: шампунь, кремы, зубную щетку и пасту, парфюм, фен, подаренный им, что-то еще и, не поворачиваясь, увидев мое отражение в зеркале, ровным голосом сообщил:

– Я купил тебе небольшую дорожную сумку, у тебя немного здесь вещей, вполне хватит.

– Это шутка такая, розыгрыш? – засмеялась я, не чувствуя и не замечая, как из моих глаз потоками катятся слезы, делая мокрыми щеки и горькими губы. – Ты меня проверяешь, что ли? Ну скажи, что ты пошутил! – взмолилась я.

– К сожалению, нет, – повернулся он ко мне лицом.

– Я не верю, – отрицательно затрясла я головой, отказываясь понимать, что происходит, и засмеялась снова: – Не может же так быть?! А я, как же я?!

– Славочка, – обнял он меня и прижал к себе, – так получилось, понимаешь. Я должен улететь, и с этим ничего нельзя поделать.

– Но я же люблю тебя! – отстранилась я от Сергея, заглянув ему в глаза, и весело улыбнулась, так и не чувствуя своих бесконечно текущих и текущих слез. – Я же без тебя не смогу! Я умру просто!

– Славка! – простонал он, снова прижал меня к своей груди и принялся тихонько покачивать. – Ты не умрешь, даже думать так не смей! Ты замечательная девочка, прекрасная, ты сильная и умная, ты справишься. Можешь обругать меня последними словами, можешь возненавидеть, но это пройдет. И любовь твоя пройдет. И ты встретишь другого парня, гораздо более достойного тебя, чем я. Не плачь, Славка, все пройдет.

– Не пройдет, это не может пройти! – прокричала я, вырываясь из его рук. – Это же не корь какая-то! Я люблю тебя и только тебя, мне никто, кроме тебя, не нужен! Мне вообще ничего без тебя не нужно!

И я выскочила из ванной, рванула в комнату и, схватив с кровати подушку, рухнула в кресло, уткнувшись в нее лицом и разрыдавшись. Он не пошел за мной, и у меня зародилась слабая надежда, что я еще могу уговорить его не уезжать, забыть про эту треклятую Америку и остаться со мной! И, отшвырнув подушку, я помчалась уговаривать!

Сергей был в кухне, сидел за столом и курил, поставив перед собой пепельницу на пустой стол, с которого успел все убрать, пока я спала. Он никогда не курил. Вообще никогда, я это точно знала – он мне сам не раз говорил.

– Не уезжай, – жалобно-умоляюще попросила я, стоя в дверном проеме.

– Я не могу остаться, – посмотрел он на меня, с силой вдавил сигарету в пепельницу, затушив ее, встал и, сдвинув меня с дороги, вышел.

А я застыла, как изваяние, и страшная, беспощадная действительность стала реальностью, парализовав мою волю, отключив сознание, замораживая арктическим холодом все тело: – ОН УЕЗЖАЕТ!!! Все! Больше ничего не будет!!! Вообще ничего!!!

Сколько я так простояла, не знаю, но очнулась, когда Сергей окликнул меня из прихожей:

– Слава, иди сюда!

Как под гипнозом я развернулась и пошла к нему. Он ждал меня у дверей, уже надев куртку и ботинки, и возле его ног на полу стояли две небольшие дорожные сумки.

– Садись, – приказал он и, взяв меня за руку и усадив на пуфик, принялся надевать мне на ноги сапоги.

Затем поднял меня, снял с вешалки мой пуховик, надев и его на меня, застегнул, натянул мне на голову шапку, повязал шарф на шею.

– Нам пора, твое такси сейчас подъедет.

И полез во внутренний карман своей куртки, достал из него и протянул мне плотную, как тонкий кирпичик, пачку долларов, перетянутую обычной эластичной резинкой.

– Возьми, – распорядился он.

А я смотрела на эту плотненькую пачку в его руке, как на клубок гадюк, и чувствовала, что прямо сейчас у меня остановится сердце и взорвется мозг! Мне стало нестерпимо холодно в груди и больно-больно, словно уходила последняя капля жизни из тела, а в голове что-то колотило, как молотком. Я снова не замечала, что у меня текут слезы, и, оторвав свой взгляд от денег, посмотрела ему в глаза и засмеялась:

– Ты платишь мне, как проститутке? За четыре месяца, да? – И рассмеялась еще громче. – По-моему, ты переплатил! Ты правильно посчитал, сколько они там за час берут и сколько часов мы провели в постели?

Он резко шагнул ко мне и, схватив за плечи, сильно потряс, аж лицом побелел от злости.

– Что ты несешь! Тебе учиться еще четыре с половиной года и жить в общаге, у тебя мать надрывается, чтобы тебя содержать! Здесь двенадцать тысяч, если долларов по двести в месяц тратить, то, чтобы ни случилось с работой твоей мамы, ты сможешь хоть как-то продержаться и институт не бросить, хоть на еду деньги будут! Поняла?! Это все, что я могу сейчас для тебя сделать! К сожалению, только это! Понимаешь?!

– Не надо мне твоих денег! – заорала я и вырвалась из его рук. – Кроме тебя самого, мне ничего не надо: ни денег, ни благотворительности твоей! Убери их! Я их все равно выброшу! Я не хочу их видеть! Выкини их, если они тебе не нужны, а мне не надо!

– Хорошо! – устало согласился он и, рывком притянув меня к себе, сильно-сильно обнял и повторил: – Хорошо, я понял.

Мы постояли так: я, умирая, а он – начиная новую жизнь. Без меня. Он отстранил меня, заглянул мне в лицо и сказал:

– Иди, умойся, а то вся заплаканная, лицо замерзнет. – И, развернув, нежно подтолкнул в сторону ванной.

Я послушно выполнила указание. Я всегда его слушалась и делала все, что он говорил, он был мой гуру, мой король, мой герой, мой капитан, моя жизнь.

Теперь я останусь без своего героя и без самой жизни. Занавес.

Я не помнила, как мы выходили из дома, что он говорил или не говорил мне, не помнила, как он сажал меня в подъехавшее такси, как договаривался и расплачивался с таксистом, не помнила, как доехала до общаги и оказалась в своей комнате – ничего этого моя память не зафиксировала. Я только запомнила, как развернулась на заднем сиденье и все смотрела, как, глядя вослед увозившему меня такси, закуривал сигарету дрожавшими руками никогда не куривший мужчина всей моей жизни…

Единственное, чего мне хотелось, это заползти в какую-нибудь нору, чтоб никто меня не видел и не трогал, и там умереть! Я все пыталась расстегнуть куртку, но почему-то никак не удавалось это сделать, что-то мешало все время, и только тогда обратила внимание, что до сих пор держу в руке эту растреклятую сумку с вещами, которую сунул мне водитель такси, помогая выйти из машины. Я швырнула ее на пол и так поддала ногой, что она улетела в самый дальний угол под моей кроватью! И наконец стащила с себя куртку, бросив ее тоже на пол, села, стянула с ног сапоги и, завалившись в кровать, свернулась клубком, отвернулась к стене и завыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/dva-shaga-do-lyubvi-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити